

М. Славинский

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РОССИИ
И ВЕЛИКОРОССЫ***

Из трех главных государственных образований древней России — Киево-Галицкого, Новгородско-Псковского и Владимирско-Московского, — исторически выжило только одно последнее — великое княжество Московское, возникшее в Окском бассейне Волжской системы на территории великорусской ветви русского народа. Поборов сравнительно легко центробежные стремления в среде своего племени и объединив вокруг себя огнем, мечом и договорами северо-восточную часть нынешней европейской России, государство это на протяжении веков и с величайшим напряжением народных сил выполнило гигантскую задачу, подчинив своей власти все русские племена, входившие некогда в состав государств Новгородского и Киевского и инкорпорированные впоследствии соседними инородными государствами — Литвой и Польшей. От этого объединения к нашему времени ускользнули лишь небольшие осколки украинской ветви русского народа, живущие в австрийских провинциях Галиции и Буковине и частью в прикарпатской Венгрии, всего около 4 миллионов.

Одновременно с этим собиранием русских племен шло расширение государства за счет всех иных соседних народов не только не-русского, но и не-славянского корня. Этот процесс территориального роста государства, начавшийся еще на заре московской истории, продолжался и в императорский период, пока на севере не была достигнута естественная преграда в виде Ледовитого океана, и пока длившиеся уже бессистемно и по исторической инерции имперские территориальные приобретения не были приостановлены в Европе и в передней Азии — севастопольской кампанией, на Дальнем востоке — японской войной.

* Статья перепечатана из сборника "Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия". Редактор А. Н. Кастелянский, С-Петербург, издание товарищества "Общественная польза", 1910, стр. 279–303.

Весьма сложные исторические осложнения позволили этому государству в течение веков не только сохранить свою самостоятельность среди огромных опасностей со стороны западных, южных и восточных соседних государств-соперников, но и дали возможность окрепнуть, вырасти и превратиться из ничтожного удела, равнявшегося части нынешнего Московского уезда, в огромную мировую империю, занимающую около одной шестой поверхности всей земной суши и насчитывающую свыше 150 миллионов жителей.

Состав населения современной Российской империи чрезвычайно пестр, и пестрота эта обуславливается различиями не только этнографического характера. Национальности, вошедшие в состав империи весьма неоднородны, и по степени культуры, и по социальной, и по экономической своей структуре. Эта пестрота национальных и иных отношений как в зеркале отражается в правовом имперском укладе и в движении имперской национальной политики. Но прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо привести несколько цифровых данных.

Национальная структура империи соответствует ее историческому росту и территориальному расширению. Цифрами переписи 1897 года это выражается следующим образом:

Название народностей	Тысяч душ	% всего населен.	Название народностей	Тысяч душ	% всего населен.
Великороссы	55.673	43, 30	Вотяки	421	0, 33
Малороссы (украинцы)	22.415	17, 41	Черемисы	375	0, 26
Поляки	7.931	6, 17	Грузины и др.	1.352	1, 05
Белорусы	5.886	4, 57	Армяне	1.173	0, 91
Евреи	5.063	3, 94	Лезгины	601	0, 47
Немцы	1.790	1, 40	Чеченцы и черкесы	491	0, 42
Литовцы	1.658	1, 29	Сарты	969	0, 75
Латыши	1.436	1, 12	Узбеки	727	0, 57
Эсты	1.003	0, 78	Таджики	350	0, 30
Молдаване	1.122	0, 87	Курды, персы и пр.		
Шведы	340	0, 29	персид. народн.	247	0, 19
Татары	3.738	2, 91	Туркмены	281	0, 21
Киргизы	4.084	3, 18	Тюрки (Сиб.)	440	0, 35
Башкиры и тептяри	1.439	1, 12	Буряты	289	0, 22
Мордва	1.024	0, 79	Якуты	227	0, 17
Чуваши	844	0, 66	Прочие мелкие народы	—	—

Общее число жителей империи (с Финляндией) по переписи 1897 года определяется в 128.924.289 человек. С того времени прошло, однако, свыше десяти лет, и если можно предположить, что пропорциональное соотношение национальностей почти не изменилось, то абсолютные цифры несомненно потерпели сильное увеличение. Принимая нормальным для России прирост населения в 1½% в год, необходимо признать, что общее количество населения империи (к 1 января 1908 года) исчисляется в 151,1 миллионов жителей всех национальностей. Из них (в тысячах):

Великороссов	65. 695
Малороссов (украинцев)	26. 708
Поляков	9. 359
Белорусов	6. 945
Евреев	5. 973
Немцев	2. 112
Литовцев	1. 956
Латышей	1. 694

И так далее.

Из приведенной выше таблицы видно, что главную массу населения империи составляют великороссы, количество которых не достигает, однако, и половины имперского населения (43,30%). Недостаток этот официальная статистика возмещает с избытком, причисляя к великороссам два других русских племени — малороссов (17,41%) и белорусов (4,57%), что вместе дает почти 2/3 имперского населения (65,28%). Как мы увидим ниже, то обстоятельство, что 2/3 населения империи принадлежат к русским племенам, дает весьма устойчивый базис для имперской политики в панрусском, если так позволительно выразиться, вопросе.

Кроме русских племен, единственной заметной группой славянского корня в составе имперского населения являются поляки (6,17%), большая часть территории которых досталась российской империи в виде приза за отчаянные усилия на протяжении веков. Прочие группы славянского корня по своей незначительности могут вовсе не идти в счет; таковы болгары (старые, но-

вые, гагаузы, шопы), которых имеется в разных местах России около двухсот тысяч; чехи, которых в разных местностях насчитывается несколько десятков тысяч; украинизированные ныне сербо-хорватские поселенцы и пр. Наличие в составе имперского населения компактной массы поляков, составляющей едва ли не более половины всего польского племени, и отсутствие других славянских народностей налагает весьма определенные черты на имперскую политику в славянском вопросе.

Из групп населения, не принадлежащих к славянскому корню, совершенно особое место занимает группа евреев (4,13%), положение которых в империи не имеет национальных аналогий.

Крупное значение для определения характера имперской национальной политики по отношению к неславянским народностям, имеют группы: немцев (1,40%), латышей (1,12%), литовцев (1,29%), армян (0,91%), грузин (1,05%) и других кавказских народностей; народности магометанского вероисповедания и народности Азии дают также любопытный материал для анализа имперской национальной политики.

Компактная масса великорусского племени продолжает жить на своей исторической территории — в центре и на северо-востоке нынешней европейской России, — расширяя эту территорию на юге и востоке за счет всякого рода народностей восточного корня. Если провести на карте линию от Пскова до Ростова-на-Дону, то эта линия обозначит с запада границу, за которой обрывается количественное превосходство великороссов. За счет соседей европейского корня на северо- и юго-западе великороссы не увеличили своей территории даже и тогда, когда эти соседи вошли в состав империи как новые завоеванные и присоединенные оружием области. Лишь незначительные великорусские колонии, главным образом, в лице чиновников разного рода, рассеяны по всей империи, не исключая самых глубоких уголков ее. Более слабые на северо-западе, колонии эти сравнительно сильны на юго-западе и на юге, где особые местные условия пополнили великорусские чиновничьи кадры известным количеством купцов, землевладельцев и простых великорусских крестьян и рабочих, уходящих туда на отхожие промыслы. Колонии эти сосредотачиваются преимущественно в больших городах, благодаря чему

города не великорусской черты во многих местностях имеют в значительной мере обрусевший вид, что особенно бросается в глаза в больших городах европейского юга России.

Имперская граница имеет линии, рожденные случайностями побед и поражений. На западе она прошла по живому телу народов: латышей, поляков, украинцев, молдаван; закавказская и сибирская границы дают ту же картину пограничных народностей, частью вошедших в состав Российской империи, частью остающихся под властью иных государств. Таким образом имперская территория представляет собою комплекс земель, центральное ядро которых принадлежит главенствующему племени великорусскому, причем тесным кольцом вокруг ядра лежат окраины, большие и меньшие, родственные и враждебные, европейские и азиатские, одноплеменные и пестрые по своему составу, связанные с ядром и между собой фактом общеимперского подданства и лишь в незначительной степени общностью исторических судеб и завязавшегося в последние десятилетия еще слабого общеэкономического оборота.

Как указано выше, главенствующий в империи великорусский народ по своей массе ко времени переписи составлял лишь 43,30% всего населения, и таким образом, к началу XX века, сохраняя за собою главенство и национальное господство в империи, он оказался в государстве, им самим созданном, в меньшинстве. Нет никаких данных предполагать, что это положение когда-либо изменится в пользу великороссов; скорее можно предположить, что развитие окраин изменит это положение не в пользу центра. Сравнивая рост населения центральной и южной России за время от Петра I, П. Н. Милюков пишет в своих "Очерках по истории русской культуры": "Во всей северной половине и центре России (т.е. на основной великорусской территории) население за последние два века остается почти неподвижным или возрастает весьма медленно. Южная же половина (России) растет с необычайной быстротой, догоняет центр и даже перегоняет его по плотности населения... Можно сказать, что и в наше время не вполне обнаружилось результаты перемещения центра русской населенности с севера на юг, точно также как и рост южного населения далеко не остановился. Последнее видно из того обстоятельства, что ежегодный прирост населения на юге достигает и теперь очень высокой цифры — 2%. На севере и в центре тот же прирост

колеблется между 1% и ½%... Рост северного и центрального населения России, по представленным нами данным, очевидно, замедлен".

К интенсивным выводам в той же плоскости, к сожалению, лишенным исторических аналогий в прошлом, пришел и покойный Менделеев в своей книге "К познанию России". Путем весьма тщательных и кропотливых работ он, первый в России, определил центр имперской территории и центр имперской населенности.

Положение центра имперской поверхности определяется $63^{\circ} 29'$ северной широты и $53^{\circ} 0'$ восточной долготы от Пулкова, т.е. между Обью и Енисеем в Енисейской губернии, немного южнее города Туруханска, лежащего в близости от северного полярного круга. "Столь северное положение центра поверхности России, — летописно замечает Менделеев, — определяется тем, что у нас чересчур много берегов Ледовитого океана". Менее летописному наблюдателю это "столь северное" положение центра укажет на полную бесценность огромных северных пространств, инкорпорированных империей только потому, что они лежали впусе, без хозяина.

Положение центра имперской населенности определяется по Менделееву $53^{\circ} 20'$ северной широты и $10^{\circ} 23'$ восточной долготы от Пулкова. Точка эта лежит в Тамбовской губернии, на северо-востоке от Козлова и на Западе от Моршанска. "Несомненно, — добавляет Менделеев, — что центр русского населения с 1897 года уже успел подвинуться по направлению к востоку, с уклоном на юг". Таким образом, центр имперской населенности далеко не совпадает с центром населенности главенствующего великорусского народа и находится вблизи исторической границы великорусской и украинской территории. К тому же центр имперской населенности отбрасывается на востоке сибирско-азиатскими провинциями империи, отнюдь нехарактерными для государства, все жизненные нервы которого бесспорно лежат в европейской его части. Без $13\frac{1}{2}$ миллионов сибирского и среднеазиатского населения центр европейской населенности империи отодвинется на запад, уйдя за пределы территории главенствующего в империи великорусского народа, куда он стремится даже и при наличности сибирского населения. И это несомненный показатель, так как центр населенности не статистическая случайность, которая может быть игнорируема, а по справедливому выражению

Менделеева, "умственная точка отправления для многих суждений" для государственного деятеля и для всякого политика, ибо „перемещение центра населенности страны указывает направление многих сил страны". Исторический ход развития, например, Сев.—Ам. Соединенных штатов, как нельзя лучше иллюстрируется перемещением центра населенности Штатов с востока на запад почти по одной параллели, что прослежено с 1790 по 1900 год.

В России движение центра имперской населенности за пределы господствующей народности является одной из иллюстраций факта, совершившегося, но не получившего государственного признания и заключающегося в том, что Российская империя, великорусская по происхождению своему, перестала быть таковою по составу своего населения. А это — факт, из которого нетрудно сделать самые многозначительные выводы.

П.

Имперская политика в национальном вопросе так же пестра и разнообразна в своих проявлениях, как пестро и разнообразно имперское население. Свести это разнообразие к какой-нибудь последовательной системе, к какому-либо единству невозможно, так как этого единства не существовало в действительности. Те или иные имперские национальные мероприятия всегда зависели от той или иной политической конъюнктуры, от того или иного соотношения сил, иногда даже от тех или иных личных пристрастий и антипатий. Только в последние десятилетия можно заметить в имперской национальной политике стремление к единству и последовательности, что выразилось в резком усилении централистических тенденций и в обилии и энергичном применении так называемых обрусительных мер, которые к тому же были обращены и на имперские провинции, находившиеся до того в привилегированном положении.

Но если было бы напрасно искать определенной системы мер в имперской национальной политике, то цели, преследовавшиеся этой политикой, всегда ясны и едины во все существование государства, начиная от московского периода и до наших дней. Цель эта — искоренение политического сепаратизма присоединенных и присоединяемых провинций и установление государственного

единства на всем пространстве имперской территории. Цели эти, обычно наблюдаемые в истории всякого государства, которое перерастает этнографические границы создавшего его народа, столь же обычно ведут к тому, что наряду с искоренением политического сепаратизма искореняются все местные областные и национальные особенности. А установление государственного единства, понятие какового смешивается с понятием единства национального, ведет к тому, что во имя принципа единого государства насильственно денационализируются недержавные народности.

Характер имперской национальной политики выразился наиболее полно и последовательно в отношении к русским племенам, вошедшим в состав Российского государства. По этому вопросу имперское правительство имеет не только вековую практику, которая достаточно красноречива, но и официальную, так сказать, идеологию. Основы этой практики и идеологии восходят к московской эпохе российской государственности и мало в чем изменились и в императорский ее период.

В московскую эпоху собирания русских земель государственное единство достигалось преимущественно механическими средствами, среди которых фигурировали и массовое истребление жителей данного города, как во Пскове, и переселение более зажиточной части жителей, служилых людей, бояр, купцов, в Москву и замена их соответствующими московскими людьми, как это случилось с разными городами севера и востока России. В более позднюю московскую эпоху и потом в императорский период, когда присоединяемые области стали более обширными и более отличными от государственного центра, подобные механические средства стали невозможными и были заменены другими, более сложными и приноровленными ко времени и обстоятельствам. Практически эти средства были применены Петром I, который в разгар борьбы с гетманом Мазепой объявил о полном отказе от вмешательства во внутренние дела Малороссии и о том, что "в царскую казну ни единого пенязя брать не повелено", а после победы над Мазепой на просьбу избрать гетмана ответил указом, в котором говорится, что "со времен первого гетмана Богдана Хмельницкого даже до Скоропадского, все гетманы явились изменниками", и учреждением известной "малороссийской колле-

гии”, в которой малорусским было только название. Отчетливое литературное выражение эта национальная практика нашла в словах Екатерины II, которая в 1764 г. в секретном наставлении генерал-прокурору князю Вяземскому пишет: “Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся подтвержденными им привилегиями, и нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно бы было; однако же, и называть их чужестранными и обходиться с ними на таковом же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать, с достоверностью, глупость. Сии провинции, также Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтобы они обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб и имя гетмана исчезло, не токмо бы персона какая была произведена”².

И если отмеченная выше общая непоследовательность имперской национальной политики сделала то, что Финляндия и отчасти Лифляндия и поныне сохранили “подтвержденные привилегии”, то в Малороссии самое имя этих привилегий исчезло. По отношению к этой последней стране, как к населенной одним из русских племен, имперская национальная практика была непреклонной и неменяющейся. И цель была достигнута: не обрусел, как того хотела Екатерина II, малорусский народ, но обрусело его дворянство и частью городские классы, крестьянство было приобщено к общеимперскому крепостному состоянию, исчез самобытный внутренний строй, национальная школа, самоуправление, заменившись общеимперскими установлениями.

С аналогичною последовательностью национальная практика проведена и по отношению к другому русскому племени – белорусам; здесь подобная последовательность была тем более легка, что белорусы ко времени присоединения их к империи не имели национального внутреннего распорядка, и имперскому правительству не нужно было думать о “подтвержденных привилегиях”.

Одновременно с последовательной и дававшей обильные результаты национальной практикой имперского правительства по отношению к русским племенам нарастала и развивалась оправ-

дававшая эту практику национальная панрусская идеология. Напрасно филология говорит о том, что русский язык был общим для нынешних русских племен только в доисторическое, почти недоступное для точных исследований время, что нынешний русский литературный язык создан не на основе всех трех русских языков, а на основе одного из поднаречий (московского) великорусского языка; напрасно антропологи утверждают, что великорусский, малорусский и белорусский антропологические типы существенно отличаются один от другого, что общерусского типа не существует; напрасно утверждает то же этнография и фольклор; напрасно история говорит о том, что на территории нынешней России в древний период существовало несколько самостоятельных государств, среди которых Московское княжество было самым молодым, что исторические традиции и основы государства Киевского, государства Московского и северных русских республик имеют между собою весьма мало общего: напрасен, наконец, самый факт существования Галиции и Буковины, никогда и ни с какой стороны не входивших в сферу воздействия Московского государства и оставшихся вне территории нынешней Российской империи: все это напрасно, – официальные представители панрусской идеологии утверждают иное. По их учению, на территории от Карпат до Урала живет единый русский народ, говорящий на едином русском языке, живший всегда единой исторической жизнью, приверженный к единым историческим традициям, причем под словом – русский – понимается – великорусский.

“Не было, нет и быть не может никакого малороссийского языка” – восклицал уже в 1863 году министр внутренних дел Валуев, положивший крепкое начало самым жестоким цензурным мерам против украинского языка. Правда, в министерстве того же Валуева и с его ведома, киевский генерал-губернатор, в виду польского восстания и движения среди поляков правобережной Украины, распространял правительственные прокламации среди населения на том же “малороссийском языке”, которого “не было”, но польское восстание закончилось благополучно для имперских границ, и малороссийского языка снова не стало для имперского правительства – вплоть до октября 1905 года, когда революция, на этот раз уже общеимперская, снова поставила на

очередь вопрос о существовании не одного русского языка, а целых трех: великорусского, украинского и белорусского.

Иные моменты имперской национальной политики наблюдаются в мероприятиях, направленных против поляков. Здесь смешение принципов государственного единства с единством национальным наступило не сразу, а когда, наконец, наступило, то для теоретического оправдания не нашло положительной формулы и вынуждено было довольствоваться формулой отрицательного порядка, а именно: поляки — враги и изменники славянства. Эта формула удобна тем, что в нее можно вложить любое содержание, что она оправдывает все, в том числе и то, каким образом славянское государство, считающее себя призванным к руководительству славянами, к защите славянской идеи и к поддержке всех славянских племен, может подавлять и денационализировать другое славянское племя.

Но польский вопрос оказался сложным клубком с вплетенными в него международными интересами, и к опыту денационализации польского населения, или, — как выражались официальные представители официальной государственности и славянофильских идей, — к "располячению Польши", имперское правительство приступило не тотчас после разделов исторической Польши, а лишь после подавления второго польского восстания, когда призраки международного вмешательства исчезли, когда, казалось, польский политический сепаратизм был искоренен без остатка, когда представителю официальной политики князю Черкасскому показалось возможным сделать заявление о том, что "нет на свете силы, которая могла бы дать польскому вопросу новую жизнь". Сила эта, по справедливому замечанию проф. Погодина, нашлась, и гордое заявление князя Черкасского превратилось в пустой звук. Сила эта "заключалась в той живучести польского общественного организма, о которой в эпоху восстания даже не подозревали наши деятели. Попытки обрусителей разбились о ту крепость народных начал, которую воздвигли против них общими усилиями все классы народа". "Располячить Польшу" имперскому правительству не удалось ни в каком отношении, если не считать внешних форм местного управления, которые заменены общеимперскими установлениями с правом службы в них лишь лиц не польского происхождения, но куль-

турный ущерб, причиненный Польше этой политикой "располячения", вне всякого сомнения. Депутат 3-й государственной думы от города Варшавы Дмовский в своей парламентской речи иллюстрирует этот ущерб маленьким, как он выразился, фактом, а именно: "в г. Варшаве в 1828 году было больше училищ сравнительно с численностью населения, чем в 1900 году".

В своем стремлении к "располячению Польши" правительство прибегало даже к таким опасным приемам, как обострение местных классовых и национальных противоречий. Ради этого оно отступило в Польше от своего обычного подозрительно-попечительно-го отношения к крестьянам и благожелательного к помещикам и провело в Польше известную Милютинскую крестьянскую реформу, в которой резко подчеркнута благожелательное отношение к польским крестьянам и пренебрежение к интересам польского дворянско-помещичьего класса. С подобной же целью в 1864 году наместнику Царства Польского делаются между прочим указания на то, "что население Царства состоит из лиц, принадлежащих к разным племенам и вероисповеданиям. Каждое из них должно быть ограждено от всякого насильственного посягательства, и в этих видах необходимо, между прочим, озаботиться об образовании отдельных для каждой народности училищ; а в школах общих, особенно же низших, ввести обучение на родном языке большинства населения, т. е. или на польском, или на русском, или на немецком, или же на литовском, смотря по местности и происхождению жителей". И это вопреки имперским традициям, признающим лишь русскую школу.

Все эти попытки сеяния национальной и классовой розни не привели к ожидавшимся от них результатам. В крестьянах польских деревень национальное движение нашло новую, свежую и неискоренимую опору; немцы, литовцы и евреи не стали патриотами обрусительного типа; русские Царства, под которыми подразумевались униаты-малороссы Холмщины, мерами имперской церковной политики были отброшены в объятия католической церкви. В настоящее время польский вопрос стоит на мертвой точке, с которой его нельзя сдвинуть теми способами, какие имеются у двух борющихся сторон. В 3-й государственной думе лидер польских депутатов заявил от имени Царства Польского, "что польский народ никогда не примирится с положением граж-

дан второй степени в государстве и никогда не способен будет примириться с государством, в котором ему предназначается такое место". И в той же думе, и в том же заседании высший представитель имперского правительства ответил на это заявление следующими словами: "Сплотитесь сначала общенациональным цементом и тогда требуйте от нас децентрализации. — Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо — это быть *русским* гражданином, носите это звание так же высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права!"

Проявления имперской национальной политики в панрусском и польском вопросах обнимают собою почти все формы репрессий, направлявшихся и на другие недержавные нации России. Опыт религиозных стеснений, связанных с национальными, произведен был почти над всеми народностями, исповедывавшими неправославную религию. Своеобразный опыт отождествления с русским народом испытала Литва, которой рекомендовалось принять русский алфавит, русскую письменность и православие. Попытки обострения классовых и национальных противоречий практиковались в обширных размерах в Прибалтийском крае, где имперское покровительство поочередно направлялось то на местных крестьян, принадлежащих главным образом к латышам и эстам, то на феодально-помещичий класс, представляемый немецкими баронами, пока, наконец, окончательно не укрепилось за баронами. К тому же методу во времена Бобринского режима неудачно прибегали и в Финляндии, воздействуя на финских торпарей, живущих на шведских землях. Тому же приему Кавказ обязан известной Бакинской резней, татаро-армяно-грузинскими и другими национальными столкновениями.

Опыты разнообразных, прямых и непосредственных национальных репрессий испытали все народности России, но пальма первенства в этом отношении принадлежит еврейскому народу, к которому применены такие средства национального воздействия, каких не знает никакая другая народность империи. Для них восстановлена практика средневекового гетто в виде пресловутой черты оседлости, на теле еврейского народа эта политика пролагает все свои изгибы — прихотливые, подчас полные ужаса и неожиданности...

Отношение имперского правительства к народностям Сибири и средней Азии тоже насквозь пропитано тем же духом национального гнета, хотя не всегда и не везде могло принять его специфические формы. Зато оно проявлялось в весьма бесцеремонном обирании этих племен путем всевозможных повинностей и в крайне равнодушном попустительстве по отношению к разного рода хищникам, эксплуатирующим местное население. Иллюстрации подобного отношения подчас бывали необыкновенно красочны, хотя и очень редко получали надлежащую огласку. Для средне-азиатских владений характерен, например, имевший место лет 15 назад факт покупки ветра у сартов одним из начальствующих лиц; лицо это впоследствии, как владеющее ветром, собирало долгое время с сартов налог с ветряных мельниц, с вьющегося в воздухе дыма, с сушившегося белья и пр. Для востока Сибири характерен другой факт, носящий все следы истинного трагизма и происшедший в 1906 году, когда значительная часть чукчей на племенном совете решила покончить общим самоубийством и привела это решение в исполнение.³

Многочисленные и разнообразные методы и приемы имперской национальной политики, практиковавшиеся без помехи и почти без активного сопротивления на всем пространстве Российской империи, не привели к тому, на что были рассчитаны, — к денационализации недержавных народностей. Особенно бесплодной эта политика оказалась на западе и юге империи. Более того, "национальный гнет, ознаменовавший "русскую" политику на всех окраинах империи, содействовал их национальному развитию в такой же мере, как некогда в 17—18 веках гнет Турции сохранил народности сербскую и болгарскую".⁴

III.

Русское (великорусское) общественное мнение до самого последнего времени мало занималось национальными вопросами, плохо оценивая всю их важность для такого пестрого в племенном отношении государства, как Россия. Имперская национальная политика принималась обществом, как нечто обычное и должное, без протеста, иногда с сочувствием, чаще всего с равнодушным безразличием. И это относится не только к консервативной

части великорусского общества, но в известной мере и к прогрессивным его кругам. Редкие протесты подавляемых народностей выслушивались с нетерпеливой и неохотной скукой, как нечто надоевшее и постылое, как безнадежная тяжба обивающего пороги истца.

Такое отношение явилось результатом многих причин, среди которых главная та, что имперская национальная политика для русского (великорусского) общества, хотя бы и прогрессивной его части, была злом лишь с точки зрения высшей справедливости; в действительности же она не только ни с какой стороны не касалась этого общества, не только не затрагивала прямых его интересов, но в некоторых отношениях была небезвыгодна для него. Насильственное обрусение, будучи само по себе в глазах прогрессивной части русского общества делом нечистым, к которому оно старалось не прикладывать своей руки, влекло, однако, для него некоторые прямые выгоды, вливая в него новые кадры интеллигентов, среди которых нередко попадались и крупные таланты; единый имперский язык и единые имперские законы и установления открывали ему возможность удобной и легкой государственной службы на всем пространстве империи, удобные сношения со всеми ее частями, удобное передвижение; принадлежность к господствующей национальности сама по себе создавала привилегированное положение во многих областях ученой, общественной, государственной и даже частной жизни. К этому надо прибавить и то, что, по справедливому замечанию проф. Грушевского, "в глазах представителей прогрессивных течений понятие национальности слишком часто компрометировалось формулами официальной народности, фактами шовинистического национализма, националистического обскурантизма и нетерпимости". Далее, само великорусское общество, испытав в истории своей все виды политического гнета, никогда не знало национального угнетения, благодаря чему очи этого общества, зоркие в области политических и общественных явлений, были поражены своего рода национальной aberrацией; совесть его, чуткая ко всем видам и формам насилия, слабо и неуверенно реагировала на насилия национального порядка.

Первый по времени протест недержавных наций, обращенный непосредственно к великорусскому общественному мнению, не

имел никакого успеха. Протест этот раздался в заседании Екатерининской комиссии от имени украинских депутатов, поддержанных депутатами лифляндскими и эстляндскими, уже тогда предвидевшими в перспективе появление граждан второй степени. Без протеста со стороны комиссии представитель Екатерины П маршал Бибиков объявил, что заявление означенных депутатов о сохранении автономных распоряжений на их родине незаконно, и что комиссия "не должна ни в чем ином упражняться, кроме того, для чего учреждена".

В дальнейшем будущем не только консервативные или равнодушные, но даже и резко оппозиционные представители великорусского общества весьма мало расходились с правительством в оценке разнообразных моментов имперской национальной политики.

Пестель и правительство Николая I не сходились лишь по вопросу о независимости Царства Польского; относительно всех прочих народностей автор "Русской Правды" проповедует ту политику централизма и денационализации, которая и донныне характерна для имперского правительства; "всех жителей, говорит он, населяющих губернии Витебскую, Могилевскую, Черниговскую, Полтавскую, Курскую, Харьковскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую, истинными россиянами почитать;" "все племена (населяющие Россию) должны слиты быть в один народ".⁵

Пушкина польское восстание вызвало на сочинение известных стихотворений, написанных в духе официального патриотизма. Белинский нашел в себе возможность поносить Шевченко за его мужицкий язык. Статья Герцена, написанная им в защиту поляков во время второго польского восстания, лишила его издание подписчиков и читателей. Старое славянофильство, устами Самарина, требовало от поляков "отречения от латинства", а в лице Хомякова определяло значение украинского Кирилло-Мефодиевского общества, весьма близкого по существу своего учения к славянофильству, словами: "нелепость, отсталость и бестолковость"; третья дума, представителем которой состоит сын Хомякова, рукоплещет словам о гражданах второй степени.

Эти примеры можно было бы умножить, взявши их из жизни различных эпох и различных общественных групп, от консервативных до прогрессивных, и все они укажут на то, что имперское

правительство, проводя свою национальную политику, состоявшую в подавлении всех сторон национальной жизни недержавных народностей, было не одиноким и в значительной мере пользовалось общественной поддержкой господствующей великорусской народности, национальным представителем которой оно было и намерено остаться в будущем. Можно, конечно, привести и противоположные примеры, но их было и меньше, и они имели меньшее общественное значение.

За последнее время сознание русского (великорусского) общества значительно прояснилось, и в вопросах национальной политики оно заметно дифференцировалось. Наступило понимание всей важности и этих вопросов и всех опасностей, которые может повлечь за собою подавление и даже простое неудовлетворение национальных нужд и запросов недержавных народностей России; смешение понятий государственного единства с единством национальным перестало характеризовать политическое мышление значительных прогрессивных кругов.

Но такая перемена произошла лишь в передовых группах общества, широкие же общественные круги и поныне блуждают, как во тьме, в области национальных вопросов и склонны по-прежнему то к равнодушно-презрительному, то прямо к враждебному отношению ко всякому проявлению национальных движений в среде инородческих племен, особенно в среде тех племен (украинского и белорусского), которые официально признаются идентичными с великорусским народом. Прошлое никогда не уходит, не оставив своего наследства будущему.

Программы русских (великорусских) имперских политических партий в той своей части, которая говорит о национальном вопросе, как нельзя лучше отражают в своем содержании преемственную связь с пережитым прошлым. У партий, поставивших своей задачей поддержку старого курса имперской национальной политики, связь эта выражается в ясной постановке испытанных принципов централизма и обрусения; у партии прогрессивного порядка прошлое сказывается в неясном, бледном, неотчетливом и непринципиальном трактовании национальных вопросов. Попытка "претворить интеллигентские идеалы в осуществимые практические требования и взять из литературных деклараций все, что может быть введено в политическую программу", дала

в своем результате ясные и точные партийные взгляды на социальные, политические и экономические нужды империи, но показала вместе с тем всю немощность партийных идеологий в национальном вопросе. Факт этот и понятен и извинителен, ибо "интеллигентские идеалы" и "литературные декларации в прошлом были также детски беспомощны в вопросе национального порядка.⁶

По отношению к национальному вопросу все имперские политические партии могут быть разделены на две большие группы: правительственную и оппозиционную.

Правительственная группа, поддерживающая во всем объеме старый курс имперской национальной политики, состоит из двух больших партий – Союза русского народа и Союза 17 октября – и промежуточных между ними, сравнительно мелких организаций – Русского Собрания, Партии Правового Порядка, различных умеренных, правых и монархических групп. Наиболее отчетливое выражение национальных постулатов этой группы дано в программе Союза русского народа, в которой говорится следующее: "Государственная дума должна быть национально-русской. Русской народности, собирательнице земли русской, создавшей великое и могущественное государство, принадлежит первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве. Союз не делает различия между великороссами, белорусами и малороссами. Все учреждения государства российского объединяются в прочном стремлении к неуклонному поддержанию величия России и преимущественных прав русской народности, но на строгих началах законности, дабы множество инородцев, живущих в нашем Отечестве, считали за честь и за благо принадлежать к составу Российской Империи и не тяготились бы своею зависимостью. Русская народность – есть народность державная; прочие народности в России пользуются правами гражданского равенства, за исключением евреев. Русский язык есть господствующий язык Российской Империи для всех населяющих ее народов".

Программы прочих политических партий, составляющих правительственную группу, говорят о национальном вопросе то же, что и Союз русского народа, но в выражениях, не всегда столь отчетливых и допускающих иногда двусмысленные толкования.

Особенно неотчетлива национальная программа самой левой из партий правительственной группы – Союза 17 октября. С одной стороны партия высказывается за "ограждение единства политического тела" России, за ее сложившийся исторически унитарный характер", за "отрицание идеи федерализма в применении к русскому государственному строю". С другой стороны партия "допускает объединение отдельных местностей империи в областные союзы для расширения задач, входящих в пределы местного самоуправления и нисколько не препятствует местным особенностям и интересам различных национальностей найти себе выражение и удовлетворение в законодательстве и управлении, основанных на признании безусловного равенства в правах всех русских граждан". Такое промежуточное стояние партии между принципами „исторически сложившегося унитарного характера” и безусловным равенством всех граждан, обозначенное Союзом 17 октября в момент его возникновения, продолжалось недолго. Под давлением разворачивающихся событий партия одобрительно отнеслась к установлению военного положения в Польше, "неохотно" одобрила акт 3 июня 1907 года, создавший привилегированное политическое положение господствующей народности и давший правительству возможность созвать "национально-русскую" государственную думу; отсрочила *ad calendas graecas* возможность дарования гражданского равноправия евреям, аплодировать авторитетным словам о гражданах второй степени и т. д. В настоящее время Союз 17 октября в трактовании вопросов имперской национальной политики мало чем отличается от имперского правительства, которое, в свою очередь, устами главы кабинета министров в 3-ей государственной думе в решительных выражениях подтвердило все программные пункты национальной политики Союза русского народа.

Это согласие главных имперских консервативных партий и имперского правительства во взглядах на национальный вопрос в России проявляется в последнее время всякий раз, когда к тому представляется удобный и неудобный случай. И если фактическое согласие не перешло еще в формальное соглашение, то это вопрос формы и организационной выдумки. Роды этого правдоподобного соглашения затрудняются с одной стороны тем, что правительству неудобно открыто опираться на такую скомпро-

метированную организацию, как Союз русского народа; с другой стороны, и Союзу 17 октября неловко вступить в открытое соглашение с явно анти-конституционным тем же Союзом русского народа. В этом отношении заслуживает некоторого внимания возникший в новейшее время Всероссийский Национальный Союз. Задаваясь целью содействовать *господству русской народности* в пределах Империи, он уже в параграфе 1 своего устава ограничивает себя от родственных ему по духу партий, и, наряду с основной задачей, считает необходимым подчеркнуть также свое стремление упрочить „русскую государственность на началах самодержавной власти царя в единении с законодательным народным представительством”.⁷ Не лишены интереса слова, которыми один из инициаторов и вдохновителей Союза приветствует легализацию этой новой политической партии. „Без принятых ужимок и лицемерных оговорок, мы ввели в наш устав первый догмат национальности – *господство* своего племени в государственной черте. Мы, Божию милостью народ русский, обладатель Великой и Малой и Белой России, принимаем это обладание как исключительную милость Божию, которою обязаны дорожить и которую призваны охранять всемерно. Нам, Русским, недаром далось это господство... Ни с того, ни с сего делить добытые царственные права с покоренными народами – что же тут *разумного*, скажите на милость? Напротив, – это верх политического слабоумия и представляет собой историческое мотовство, совершенно подобное тому, как в купечестве „тятенькины сынки” – получив миллион – начинают разбрасывать его лакеям и падшим женщинам. Сама природа выдвинула племя русское среди многих других, как наиболее крепкое и даровитое. Сама история доказала неравенство маленьких племен с нами. Скажите, – что ж тут *разумного* идти против природы и истории и утверждать равенство, которого нет? И *справедливо* ли давать одни и те же права строителям русского государства и разрушителям его?”⁸

Ясно, что происходит процесс концентрации всех консервативных общественных сил великорусской народности, которые смыкают свои ряды для защиты создавшегося исторически привилегированного своего положения в государстве и для упрочения этого положения в будущем.

Оппозиционная группа имперских политических партий, от мирного обновления и до социал-демократии включительно, в частях своих программ, трактующих о национальном вопросе, весьма единодушно и самым решительным образом порывает с традиционной имперской национальной политикой, но дело положительного национального устройства представляет себе неясно, ограничиваясь общими формулами, в которые может быть вложено самое скудное содержание.

Партия мирного обновления, самая правая из оппозиционных партий, скупо роняет слова о равенстве перед законом всех граждан, без различия национальности, о том, что „представление автономного управления отдельным областям (определенным территориальным единицам) не должно простирается далее признания за ними законодательных полномочий по вопросам исключительно местного значения”, и о том, что „идея равноправности должна явиться связующим звеном окраин с центром”. В программе партии мирного обновления совершенно не различаются понятия областной и национальной автономии и обойден равнодушным умолчанием вопрос о языке в школе, в судах, в администрации, на собраниях и пр.

Почти также скудно и неотчетливо говорит о национальном вопросе и самая левая партия в составе оппозиционной группы — социал-демократия. „Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства”, право национальных языков в школах, в государственных и местных учреждениях и на собраниях; и наконец, „областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются бытовыми условиями и составом населения”. Это все, что говорится в программе социал-демократии о национальном вопросе. В программе партии, охотно рисующей будущей социальный и политический строй в самых детальных подробностях, будущее национального вопроса осталось вне поля зрения; партия не сумела даже различить границ этого вопроса от соседнего, но далеко не идентичного с ним вопроса областного.

Другая крайняя левая оппозиционной группы — партия социалистов-революционеров, в определении положительного национального устройства идет немного дальше своей соседки и соперницы. Кроме общих формул о равноправии наций и их языков, партия социалистов-революционеров предвидит для

будущего „возможно более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями”. Но затронутого вопроса „о федеративном начале” ни в программе, ни где-либо в другом месте имперская партия социалистов-революционеров не развивает, и приведенная выше цитата стоит в программе одиноко и голо, как намек, как нечто, что должно было кристаллизироваться и не кристаллизовалось.

Две другие социалистические, близкие между собою партии оппозиционной группы — народно-социалистическая и трудовая группа — вносят весьма мало положительного содержания в решение национального вопроса. Народные социалисты, подобно социал-демократам, смешивают понятия национально-областной и национальной автономии, говоря о ”введении в тех местностях государства, где этого пожелает население, национально-областной и областной автономии, с предоставлением областным представительным учреждениям, организованным на широких демократических началах, законодательных прав по местным делам”. Трудовая группа высказывает этические пожелания об уничтожении ”всяких притеснений одной национальностью других”, утверждает за каждой национальностью ”право на национальную автономию”, заботится об обеспечении в каждой области интересов меньшинства, но далее этих общих формул и слов не идет.

Срединная партия оппозиционной группы — партия народной свободы, признавая, как и все другие оппозиционные партии, необходимость равенства всех граждан перед законом без различия национальности, дальнейшее положительное решение национального вопроса откладывает до фактического упреждения нового конституционного строя в империи. В параграфе 24 своей программы партия народной свободы говорит: ”После установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами для всего Российского государства должен быть открыт правомерный путь в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения”. Особые оговорки делаются относительно Царства Польского и

Финляндии. История возникновения параграфа 24 в программе партии народной свободы, в первоначальной редакции принятого еще на одном из земских съездов, указывает на то, что он явился результатом соглашения между представителями имперских прогрессивных групп и представителями национальных организаций недержавных народностей империи. В сжатой, но многосложной формуле этого параграфа содержится, с одной стороны — утверждение имперского единства и единого имперского суверенитета; с другой — установление за национальностями права на всестороннюю организацию национальных сил. Такая постановка национального вопроса, не отличаясь принципиальной отчетливостью, содержит в себе много осторожности и вводит вопрос в рамки времени и постепенности государственного строительства.

1У.

Интересно проследить, как эти национальные суждения, представлявшие собою в сущности не более как аморфную массу настроений, начали кристаллизоваться в определенные *политические* формы.

В продолжение всей хотя и не долгой законодательной деятельности имперского парламента — государственной думы — национальные вопросы возникали обычно как элемент вводный. И хотя они трактовались иногда бурно и страстно, но не эти вопросы создавали почву для внутренних парламентских конфликтов и трений. Тем не менее в деятельности государственной думы можно отметить несколько моментов, которые имеют крупное показательное значение. Самым ярким и цельным моментом в этом отношении является несомненно ответный адрес первой государственной думы, отразивший в себе, как в фокусе, настроение имперского населения в тот период. Отношение к национальному вопросу в России получило здесь свое выражение в следующем фрагменте: "Государственная Дума считает необходимым указать в числе неотложных задач своих и разрешение вопроса об удовлетворении давно назревших требований отдельных национальностей. Россия представляет государство, населенное

многообразными племенами и народностями. Духовное объединение всех этих племен и народностей возможно только при удовлетворении потребности каждого из них сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта. Государственная Дума озабочена удовлетворением этих справедливых нужд".

После дружных речей ораторов прогрессивного лагеря в защиту приведенного текста эта часть ответного адреса была принята думой единогласно. Думская правая не реагировала на нее, если не считать жалкой выходки свящ. Концевича.⁹; имперское правительство, в лице тогдашнего председателя совета министров Горемыкина, прочитавшего в думе правительственную декларацию, обошло молчанием эту часть адреса.

В дальнейшей деятельности первой думы суждения по национальному вопросу возникали главным образом во время прений по аграрному вопросу, причем высказывались, однако, почти исключительно представители недержавных национальностей, требовавшие предоставления разрешения аграрного вопроса местным автономным учреждениям. Другим значительным поводом к тому, что были высказаны национальные суждения, в том числе и представителями имперских партий, был запрос о погроме в Белостоке. Но этот повод не принадлежит к тем поводам, при которых ораторы способны оставаться невозмутимыми и спокойно строить сложные суждения в плоскости чисто *национальных* вопросов..

В общем движение национального вопроса в первой государственной думе не вышло из пределов чисто отвлеченной и декларационной постановки национальной проблемы.

Вторая государственная дума, в своих отношениях к национальному вопросу, во многом аналогична первой думе. Ответного адреса вторая дума не составляла, но речи многочисленных депутатов дают право думать, что вторая дума создала бы идентичный адрес, по крайней мере в той его части, которая декларировала бы этот вопрос.

Несмотря, однако, на сходство отношений первых двух дум к национальному вопросу, между ними есть и крупная разница, которая является как бы подготовкой и введением к национальным суждениям третьей думы. Представители недержавных народностей, декларировавшие в первой думе лишь общие нацио-

нальные пожелания, во второй думе говорят более точным и определенным языком. Поляки, в первой думе ограничившиеся общим и неопределенно-широким заявлением о своих правах, вносят во вторую думу подробный и довольно умеренный проект автономии Царства Польского; представители других национальностей вместо общего выражения "местные учреждения" говорят об определенных национальных и областных автономных сеймах; в союзе автономистов замечается движение в пользу конкретной постановки междунациональной поддержки на определенных условиях. Движение национального вопроса во второй думе идет в направлении от общего к частному, от логических суждений к реальному осуществлению, от maximum'a к minimum'у.¹⁰

И вот этот новый фазис национальных проявлений, отличающийся уже большей конкретностью, вызывает движение и у представителей имперского правительства и у представителей правительственных партий. Правительство во второй думе не замалчивает национального вопроса; в декларации главы имперского министерства находится следующий фрагмент: "Самоуправление на тех же общих основаниях (что и в коренной России) с некоторыми, вызванными местными особенностями, изменениями, предполагается ввести в Прибалтийском, Западном крае и Царстве Польском, с выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается истари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы". В этих словах П. А. Столыпина, сказанных в манере и тоне канцелярского слога, без труда можно отыскать все те же руководящие начала традиционной национальной политики имперского правительства; эмбрионально в них усматриваются и "граждане второй степени"; речи других представителей кабинета, не связанных декларативным характером своих суждений, дают на то многочисленные указания.

Точно также и правая определяет свое отношение к национальным вопросам несравненно ярче, чем это было в первой думе. Выходки а la Концевич уступают место обширным парламентским речам, в которых последовательно проводятся националистические принципы агрессивного характера. Пределы этой последовательности весьма рельефно очерчиваются в одной из таких речей,

принадлежащей депутату Келеповскому.¹¹ Деп. Келеповский говорил по аграрному вопросу. Он не равнодушен "к народным нуждам", он знает, "что положение земледельческих классов русского народа тяжело, что следует напрячь все усилия для того, чтобы облегчить его положение", он хочет "приложить все силы к делу исцеления бедной родины", но он — противник выставленного первой и второй думами принципа принудительного отчуждения, он ищет "законного решения вопроса" о земельной нужде русского крестьянства — и деп. Келеповский находит это "законное решение". Он находит "вид земельной собственности, который принадлежит по праву" русскому народу; это — территории завоеванных и присоединенных Россией окраин. "Главное значение этих завоеваний, думает деп. Келеповский, в том, что они образовали запасной фонд (земельный), которым русский народ может воспользоваться тогда, когда он ему понадобится". Русское крестьянство, по мысли деп. Келеповского, может быть удовлетворено землями в центральной Азии, которые должны быть отобраны у киргизов, землями на Кавказе, польскими земельными владениями в северо-западном и юго-западном крае, и т. д. "Если мы пойдем этим путем, резюмирует деп. Келеповский, то громадное количество земли окажется в руках правительства — и вполне согласно закону, — и эти земли могут пойти на удовлетворение земельной нужды крестьян".

Речи других правых депутатов, уступая приведенной речи в принципиальной полноте и последовательности, построены в тех же тонах, и образуют вместе согласный аккорд, эхо от которого с такой чистотой отражается в действующей ныне третьей государственной думе.

Выше было сказано о том положении, которое заняли в третьей думе представители имперского правительства по отношению к полякам, и которое характеризуется крылатыми словами депутата Дмовского о гражданах второй степени. Это положение аналогично и по отношению ко всем прочим недержавным народностям России. Имперское правительство принимает все наследие традиционной национальной политики и своими заявлениями освещает и на будущее принципы ее.

Национальные суждения парламентского большинства третьей думы движутся в том же направлении. Прения по национальному

вопросу в третьей думе открылись при составлении ответного адреса. Предложение представителей недержавных народностей, поддержанное имперскими прогрессивными партиями, включить в адрес фрагмент о необходимости "удовлетворить справедливые требования народностей, входящих в состав государства", было отвергнуто подавляющим большинством. Голосование этого фрагмента, между прочим, явилось одной из тех нисходящих ступеней, по которым партия Союза 17 октября сблизилась в своих национальных суждениях с таковыми же Союза русского народа. Спасая положение этой партии, донныне не вычеркнувшей из своей программы пункта о равноправии национальностей, один из более левых ее представителей, проф. Капустин, говорил о том, что Россия должна прогрессировать, „развиваясь эволюционным путем из начал русской жизни, из нужд всего русского народа без различия каких бы то ни было национальностей". Эти слова несомненно выдающегося партийного работника, искреннего человека, нечуждого, уже по своей профессии, научным методам мышления, как нельзя лучше характеризуют тот хаос, из которого рождаются национальные суждения главенствующей в третьей думе партии октябристов. Эти же слова дают психологический ключ к пониманию того, почему партия 17 октября так легко и без осложнений миновала те пункты своей программы, посвященные национальному вопросу, которые, казалось, должны были бы навсегда отделить ее от ее нынешних союзников справа.

Представители имперских прогрессивных партий, защищавшие в третьей думе вышеприведенную поправку в ответном адресе, заметно продвинулись в углубленности аргументации, сравнительно с таковою в первой и второй думе. Аргументация эта аналогична по своему содержанию с доводами представителей недержавных народностей, но в устах членов имперской партии она звучит увереннее и значительнее. Наиболее показательная речь по этому вопросу принадлежит депутату Милюкову, лидеру партии народной свободы, которая сняла все свои поправки к ответному адресу, кроме поправки по национальному вопросу. В своей речи деп. Милюков охарактеризовал традиционную имперскую национальную политику, как "политику вражды", и противопоставил ей защищаемую оппозиционными имперскими партиями

"политику, основанную на чувстве солидарности, на известной совокупности стремлений, идей, которые общи всему (имперскому) комплексу". – "Истинный патриотизм должен быть российским патриотизмом, а не патриотизмом великорусским!" – "Если вы на месте этого российского государственного патриотизма хотите поставить ваш великорусский, то вместо органического единства, к которому мы стремимся, вы можете получить только механический агломерат центробежных стремлений, которые вам придется насильственно, искусственно сдерживать, и вы придете к результату, противоположному вашим намерениям, вы из великой империи сделаете колосс на глиняных ногах". "Это политика ассирийская", – заключил свою речь деп. Милюков: "Мы по этому пути с вами не пойдем".

Третья дума пошла "по этому пути".

Примечания

- 1 Количество великороссов несомненно должно быть несколько ниже показанного в переписи. Цифры, говорящие о населении других народностей, в свою очередь, должны быть выше показанных; особенно это касается украинцев, евреев, поляков, армян и др. Евреи, например, как это видно из вероисповедальной рубрики, составляют не 3,94%, а 4,13% (5,189 тысяч) всего населения.
- 2 Сборн. Русского Истор. Общества. т. VIII, с. 348.
- 3 К сожалению, до сих пор не удалось установить подробностей этого в высшей степени интересного факта. См. „Наша Жизнь” от 17-го марта 1906 г.
- 4 Проф. А. Л. Погодин. Главные течения польской политической мысли. с. 33.
- 5 Интересно отметить, что в еврейском вопросе Пестель является решительным провозвестником новейших течений сионизма. Для разрешения еврейского вопроса между прочим он рекомендует способ, который „состоит в содействии евреям к учреждению особенного отдельного государства в какой-либо части Малой Азии”. „Для сего нужно назначить сборный пункт для еврейского народа и дать несколько войск им в подкрепление. Ежели все русские и польские евреи соберутся в одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечество, не трудно будет преодолеть все препоны, и, пройдя всю Европейскую Турцию, перейти в Азиатскую и там, заняв достаточные места и земли, устроить особенное еврейское государство”. Русская Правда, параграф 14 главы второй „О племенах, Россию населяющих”, С. 53.
- 6 В прошлом русской научной и даже публицистической литературы почти не существует работ, посвященных национальному вопросу. Старый спор между славянофилами и западниками коснулся этого вопроса лишь отчасти и в такой отвлеченной и туманной постановке, которая отнюдь не способствовала его разъяснению. Лишь в последнее время национальные вопросы трактуются широко и плодотворно. Можно отметить, что в позднейших работах по национальному вопросу лучшие преемники, как славянофильства (Вл. Соловьев), так и западничества (П. Н. Милков, Д.Н. Овсяннико-Куликовский и др.), исходя из разных и несовместимых социальных и философских оснований, самым определенным и недвусмысленным образом порывают с возможностью в той или иной мере поддерживать старый, официальный курс имперской национальной политики. Этот факт в значительной мере отразился и на программах имперских прогрессивных партий.

- 7 Ср. Устав Всероссийского Национального Союза (утвержд. 3-го июня 1908 г. в Сиб.).
- 8 См. „Новое Время” от 5/18-го июня 1908 г., № 11576
- 9 Свящ. Концевич, крайний правый, обрусевший украинец, внес следующую поправку: „Государственная Дума озаботится о широком удовлетворении этих (национальных) нужд, чтобы Россия, населенная многочисленными племенами и народностями, потеряла свое своеобразие и даже самое свое имя”. С достойным спокойствием дума перешла к порядку дня, минуя эту поправку, как отвергнутую а limine и потому как бы не существовавшую; сам автор поправки, растерявшись от своей выходки, голосовал против самого себя за текст комиссии. (Приведенная здесь цитата, предыдущие и все последующие, взяты из официальных изданий стенографических отчетов о заседаниях государственной думы).
- 10 В этом последнем смысле особенно характерно то, что международный союз, в первой думе носивший название союза автономистов-федералистов, во второй думе именуется лишь союзом автономистов.
- 11 В свое время речь деп. Келеповского не встретила соответствующей оценки и отзывалась без надлежащего внимания широких кругов имперского общества. Ныне, когда принципы, положенные в ее основание, получили законодательное признание в прусском ландтаге и палате господ, когда имеются многочисленные устные и печатные известия о том, что в духе этих принципов работает на окраинах „союз русского народа”, когда в России живет и законодательствует третья дума, состоящая в большинстве из депутатов, близких программно к деп. Келеповскому, речь его окрашивается в зловещие цвета.